

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ А. ГИДДЕНСА

О.А. Тесленко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются социально-философские основания теории рефлексивной модернизации А. Гидденса. Показано, что разработанная им рефлексивная социальная теория позволяет раскрыть основополагающие характеристики процесса производства и воспроизводства общественной жизни, ее модернизационного обновления.

***Ключевые слова:** структура, социальные практики, институты, власть, рефлексивная модернизация.*

А. Гидденс – один из создателей современного варианта рефлексивной теории социальной модернизации [3, р. 174-215]. Рефлексивная социальная теория, сообразно с платформой Гидденса, должна по сути дела выстраиваться в культуроцентристском ключе: картина социального целого получаема всегда сквозь призму интерпретации в определенной ситуации и предполагает, в свою очередь, рефлексивный компонент в деятельности субъектов, производимых и воспроизводимых ими социальных структур и институтов. При этом действует своеобразная модель двойной герменевтики. Сами социальные акторы интерпретируют, наделяют смыслом жизнь общества, и одновременно их деятельность также становится предметом интерпретации, в том числе и специалистов, чьи конструкции, картина воспроизводимой ими реальности оказывают влияние на запечатлеваемый ими мир. Такого рода программа построения социальной теории адекватна современному процессу модернизации, ибо отвечает задаче непрерывной рефлексивной трансформации глобального общественного целого и его сегментов.

Выстраивая абрис рефлексивной социальной теории, дающей ключ к современным модернизационным преобразованиям в границах глобального сообщества, Гидденс акцентирует внимание на необходимости единения в её контексте осознания единства структурного и субъектно-деятельного компонентов. И хотя он относит притязания исторического материализма на поиск естественно-исторической необходимости к ведомству не имеющего реальных оснований эволюционистского типа мысли, который утратил значимость для современного подхода к социальным процессам, но с одобрением цитирует высказывание К. Маркса из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» о том, что люди делают историю сообразно с наличными обстоятельствами общественной жизни [4, с. 16]. При этом британский автор считает особенно

важным для современной социальной теории показать конкретную диалектику взаимопереплетения рефлексивности и социально-данного, являющегося плодом сложившихся социокультурных обстоятельств.

Предостерегая от объектно-вещного видения социальных процессов, Гидденс утверждает значимость соединения теории деятельности наделенных даром рефлексии субъектов и теории структур, конституирующих стабильный компонент общественной жизни. «Если понимающая социология зиждется на империализме предмета, то функционализм и структурализм проповедают главенство социального объекта. Формулируя теорию структуриации, мы стремимся положить конец попыткам создания подобных империй» [там же, с. 40]. При этом он предостерегает от трактовки общества как независимого в процессах его производства и воспроизводства от влияния фактора сознания, ибо не существует анонимных социальных структур, которые не были бы окрашены в тона практического сознания и очищены от влияния знакового наполнения такового. Теория структуриации предполагает снятие дуальной противоположности объективизма и субъективизма, наличной социальной реальности, ее структурообразующих компонентов и человеческой субъективности путем обращения к связующей их практике. «Согласно нашей теории, – констатирует британский автор, – предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [там же]. Условием для такого взгляда на их противоречивое единство должно стать переосмысление понятия «практики», взгляд на нее как неразрывными узлами сопряженной с обслуживающим ее типом сознания.

Социальная действительность в финальной инстанции соткана из поступков индивидов. Гидденс достаточно тонко анализирует эту проблему, показывая взаимосвязь индивидуального и социально значимого. С его точки зрения, стоит отбросить абстракцию носителя чистого сознания, когда речь заходит о практически действующем субъекте. Носитель чистого теоретического сознания, в понимании британского автора, существенно отличается от субъекта практического сознания и действия. Чистая мыслительная активность, запечатленная в картезианской картине жизни сознания, отнюдь не отвечает задаче вхождения в совокупность социально значимых и упорядоченных особыми кодами оперирования объектов, живущих в мире практического сознания. Субъект практического познания и действия живет в пространстве определенных знаково идентифицируемых объектов и способов оперирования ими, которые заданы практическим сознанием. Оно обслуживает многообразие практик, различным образом сопряженных друг с другом, и только в этом контексте мыслима рефлексивная деятельность субъекта.

Выступая против редукции индивидуальной активности к наличной данности сознания, Гидденс вместе с тем указывает на значимость

фона рефлексивной деятельности. «Целостная последовательность практик предполагает рефлексивность, однако последняя возможна лишь в условиях последовательной непрерывности этих практик, которая и позволяет воспринимать их отчетливо “тождественными” друг другу во времени и пространстве. Таким образом, “рефлексивность” следует понимать не просто как “самосознание”, но как наблюдаемое свойство и характерную особенность движущегося потока социальной жизни» [там же]. Рефлексивность сопровождает воспроизводство практик и обслуживающих их реалий и механизмов сознания, оказываясь способной к их модификации, обнаружению желательного вектора трансформации. Рефлексивный контроль практик, как справедливо полагает Гидденс, онтологически определен самой ситуацией индивида в истории. История как заданная потоком времени стимулирует рефлексивный мониторинг практик субъектом.

Рефлексивный мониторинг деятельности индивидуального и коллективного субъекта является неременной чертой производства и воспроизводства социальной реальности. Гидденс говорит о том, что в данной связи следует различать непознанные обстоятельства поступка, рефлексивный мониторинг действия, рационализацию действия, его мотивацию, а также его последствия, среди которых обнаруживаются и непредвиденные. «Мы будем различать понятия рефлексивного мониторинга и рационализации действия и его мотивации» [там же, с. 44], – пишет он. Непознанные обстоятельства поступка подразумевают то, что оказывает действие на его осуществление, но тем не менее находится за порогом осознания актора. Хотя британский автор и не вносит первоначально уточнения в их характеристику, не трудно предположить, что речь идёт о совокупности находящихся вне спектра сознания многообразных объективных факторов и мотивов деятельности, между которыми обнаруживается связь. Ведь различные детерминанты деяния могут порождать потребности и становиться мотивами такового, как осознаваемыми, так и бессознательными. Гидденс говорит о том, что мотивация касается скорее потенциальных возможностей деятельности, нежели традиционного для актора способа деятельности. Многие из наших повседневных поступков могут не быть, с его точки зрения, мотивированными напрямую. Он говорит о том, что многие искушённые деятели могут отчитаться о причинах и целях поведения, но не в состоянии столь же легко раскрыть его мотивы. Сказанное справедливо лишь отчасти, поскольку осознанные причины и цели входят в цепь мотивации, в которой могут обнаруживаться и бессознательные мотивы. Гидденс порицает Фрейда за его всецело сексуальную концепцию бессознательного, верно полагая, что сфера находящегося за порогом рационально-рефлексивного осознания гораздо шире и включает многие социокультурные и лингвосомиотические механизмы. Под рационализацией действия британский теоретик понимает осознание в целом его мотивов,

тогда как мониторинг такового рассматривается как целенаправленный или преднамеренный характер человеческого поведения [там же, с. 500]. Мониторинг действий индивида, проявляющийся в создании социальной реальности, имеет важное значение для практики и теории модернизационного процесса в эпоху глобализации.

В работах Гидденса содержится достаточно интересная попытка представить собственную модель субъекта социального действия в полемике с З. Фрейдом. Гидденс выделяет противоположность дискурсивного сознания, практического сознания и бессознательного, говоря что фрейдовское противопоставление «Я», «сверх-Я» и «Оно» не даёт возможности разобраться в их соотношении. Прежде всего он отмечает отсутствие жёстких барьеров между дискурсивным и практическим сознанием, вербально выраженным и практически осуществляемым. Одновременно им констатируется жёсткое противостояние между подсознательным и сознанием. Соотношение «Я» и «Оно», как верно замечает он, не даёт возможности понять природу практического сознания. Последнее, с его точки зрения, может быть скорее охарактеризовано в категориях психоанализа как «предсознание». Для читателя британского автора остается все же не совсем ясным, как сознание, пусть и практическое, можно отождествить с «предсознанием», ибо даже терминологически между ними остается отношение противостояния. Он предлагает в целях операционального удобства пользоваться категориями «я», «самописанием меня», «ты» и отношениями между ними, отбросив как туманно-неясное фрейдовское «Сверх-я», заменив его моралью. Именно в этих категориальных рамках Гидденс и предлагает осуществлять анализ рационального мониторинга действия субъекта, производящего и воспроизводящего ткань социальной реальности.

Несмотря на рациональный мониторинг, человеческие деяния, как верно подмечает Гидденс, могут обладать и непредвиденными последствиями. «Понятие “деятельность” относится к событиям, инициатором и движущей силой которых является конкретный индивид, который мог бы повести себя иначе на любом этапе установленной последовательности действий» [там же, с. 49], – констатирует он. Деятельность, в его понимании, может быть как преднамеренной, осуществляемой сознательно с осознанными намерениями, так и непреднамеренной. В любом случае это нечто связанное с чередой рационально планируемых или, напротив, неконтролируемых на базе сознания результатов человеческих поступков. Рационально планируемый эффект может достигаться как поступками самих его авторов, предусматривающими результат своих деяний, так и другими субъектами, которые непреднамеренно попадают в орбиту проецируемой ситуации. Однако зачастую в обществе свершаются неконтролируемые рационально поступки. Имеются и варианты рационального, ориентированного поставленной целью поведения индивида, которые ведут к непредвиденным следствиям. Это про-

исходит в силу многообразия факторов, которые связаны с их осуществлением. В этом случае речь идёт о непреднамеренных действиях. Индивид получает желаемое, но результат влечёт череду непредвиденных следствий, ибо актер не знает всю полноту ситуации, конституирующих её элементов и упорядочивающих их связей. Поэтому постоянно возникают ситуации, в которых актеры не в состоянии предвидеть то, что случается вследствие их действий: «Повседневная жизнь представляет собой поток преднамеренной деятельности. Однако действия имеют непреднамеренные последствия...» [там же, с. 47]. Эта тема справедливо поднимается Гидденсом, но ещё Гегель подметил наличие «хитрости разума», ведущего к непредсказуемости результатов человеческих деяний в истории. Гидденс верно говорит о том, что последствия человеческих деяний становятся все более и более непредсказуемыми во временной перспективе, поскольку таковая предполагает открытость будущему. «Ирония истории», остро прочувствованная мыслителями эпохи романтизма, имеет тенденцию к нарастанию в ходе осуществления проекта модерности и его современной радикальной фазы, именуемой оппонентами Гидденса «постмодерном», а им самим «высоким модерном». Однако вопреки постоянному росту этого фактора непредсказуемости, рациональный мониторинг собственной деятельности субъекта, равно как и других акторов, остаётся значимым моментом производства и воспроизводства общественной реальности.

Индивидуальная деятельность субъекта осуществляется, как подчёркивает Гидденс, в контексте определенных общественных структур, реализуемых через социальные практики. Британский теоретик замечает, что «в социальной теории понятия действия и структуры взаимно предполагают друг друга, но признание этого обстоятельства, являющегося диалектическим отношением, порождает проработку как серий понятий, сопряженных с каждым из этих терминов, так и самих этих терминов» [1, р. 53]. Полярность действия и структуры, упорядочивающей общественные связи в подобной перспективе, означает их взаимодополнительность, неразрывную взаимосвязь. Структуры должны быть поняты как порожденные, производимые и воспроизводимые социальными субъектами, а сама деятельность социального субъекта, наделенного рефлексивностью, выглядит как осуществляемая в формате существующих социальных структур, трактуемых в принципиально антиобъективистском ключе. Именно в этой связи Гидденс говорит о дуальности социальной структуры.

В перспективе трактовки дуальности социальной структуры Гидденс формулирует собственное понимание её взаимосвязи с феноменом системности общества, его структуриации. Любая структура, на его взгляд, предполагает наличие конституирующих ее правил и ресурсов: «В моем использовании “структура” относится к “структурному свойству”, или, более точно, к структурированию свойств, задающему “связь”

пространства и времени в социальных системах. Я утверждаю, что эти свойства могут быть поняты как правила и ресурсы, рекурсивно имплицированные в производстве социальных систем» [там же, р. 64]. Структуры существуют парадигматически как отсутствующее множество различий, реализующееся в моментах времени в процессе конституирования социальных систем. Структура предполагает практическое знание того, как что-либо делается социальными акторами в форме предметного действия или знакового выражения, а также социальные практики, организованные через рекурсивное использование такого рода представлений, и возможности осуществления подобной деятельности. В данной связи Гидденс говорит о значимости теоретического наследия Ф. Соссюра, Л. Витгенштейна, П. Уинча и Д. Серля для понимания специфической нормативности социальных структур и ресурсов их воспроизводства.

Практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются Гидденсом как социальные институты. Он соглашается также с определением институтов антропологом А. Рэдклиффом-Брауном как «стандартизированных типов поведения» и говорит о том, что они играют базовую роль в пространственно-временном конституировании социальных систем [там же, р. 96]. Таким образом, институты связаны с производством и воспроизводством социальных систем благодаря их структурно-регулятивным началам.

Социальные системы, в понимании Гидденса, представляют из себя тотальности, в границах которых реализуются в общественных практиках наличные структуры. «Социальная система, таким образом, представляет собою “структурированную тотальность”. Структуры не существуют в пространстве-времени вне моментов конституирования социальных систем» [там же, р. 64–65]. Поэтому можно говорить о глубинности и временной устойчивости социальных структур, их исторической длительности, пространственной распространённости таковых в человеческих взаимодействиях. В конкретном виде их совокупность и составляет ту или иную социальную систему.

Под структуриацией Гидденс понимает процесс структурирования социальных отношений в пространстве и времени на основе принципа дуальности структуры. Структуриация контролирует воспроизводство целостности и изменение социальных структур в их тотальности, т. е. сопряжена с производством и воспроизводством общественных систем.

Структуры, в границах которых осуществляется деятельность субъектов, организуют их интеракцию, конституируют различные коллективно поддерживаемые практики. «Коммуникация значений во взаимодействии, – пишет Гидденс, – не производится независимо от операций отношений власти или же от нормативных санкций. Все социальные практики включают эти три элемента» [там же, р. 81–82]. Гид-

денс полагает, что наличие структур, живущих в практическом сознании, задаёт взаимодействие – интеракцию между субъектами. Интеракция – структуры, воплощённые в деятельности акторов, и разделить их можно лишь в теоретической абстракции. Интеракции же конституируют базис совместных практик людей. Рассуждая таким образом, он со всей очевидностью следует в русле теоретических конструкций Ю. Хабермаса, но пытается одновременно скорректировать и дополнить таковые.

Структуры обладают, прежде всего, сигнификативными функциями, контролируя семантические поля, управляющие практическим сознанием индивидов. И здесь вновь в рассуждениях британского автора со всей очевидностью просматривается влияние идей теоретиков лингвистической философии от Витгенштейна до Уинча и Серля. Структуры обладают также измерением власти, ибо уже номинирование ими общественных реалий и порядка их существования и функционирования оказывается осуществлением такового. В данной связи Гидденс открыто солидаризируется с позицией Хабермаса, представленной в его полемике Гадамером относительно присутствия властных связей в коммуникативном взаимодействии между людьми. Однако его привлекают скорее не поиски Хабермасом идеальной модели коммуникативного взаимодействия, относительно которого он не высказывает положительного мнения, а позиция Фуко, представленная в его понимании «власти-знания». Одновременно Гидденс подчёркивает и то, что власть – свойство, присущее деяниям индивидуальных субъектов, способных к мониторингу социальных ситуаций. Ведь действовать, по Гидденсу, означает обладать властью. Индивидуальные субъекты, и это принципиально для его понимания рефлексивной модернизации, могут совершать прорыв и в области сложившихся на различных уровнях властных связей. И наконец, структура обладает измерением вынесения санкций – легитимизационным потенциалом относительно порядка происходящего.

В плане обеспечения интерактивного взаимодействия структурной сигнификации коррелятивна коммуникация значений, моменту власти – присутствие трансформирующего потенциала, а легитимации – наличие определённых санкций с позиций нормативно-должного.

Между моментами структурности и интеракции существует опосредующий уровень модальности структуриации, обеспечивающий связь между структуральными свойствами и познавательными способностями индивидов. Так, интерпретативные схемы, определённые лингвистические коды обеспечивают момент сигнификации и коммуникации значений при интерактивном взаимодействии субъектов: «Под “интерпретативными схемами” я подразумеваю стандартизированные элементы архива знания, применяемого акторами в производстве взаимодействия. Интерпретативные схемы формируют сердцевину взаимоприемлемого

знания, при посредстве которого постоянно поддерживается универсум значений и процесс взаимодействия» [там же, р. 83]. В этой связи Гидденс ссылается на этнометодологию Гарфинкеля и теоретические выкладки Хабермаса, хотя очевидно, что за его построениями скрывается и учение Канта о схематизме воображения, по-разному интерпретируемое в современной западной мысли. Господство реально невозможно вне идентификации различного рода ресурсов. И наконец, структуры легитимации и сопряженные с ними в интерактивном плане санкции предполагают нормативный компонент. При этом Гидденс настаивает на интериоризации норм, их существовании в практическом сознании и актах субъектов. В данной связи он полемизирует с идеями Парсонса и Альтюссера.

В плане понимания Гидденсом специфики модернизационного процесса на базе рефлексивного мониторинга чрезвычайно важны его воззрения на социальную и системную интеграцию. Интеграция понимается им как процесс формирования регулярных социальных связей: «Социальная интеграция определяется как взаимодействие в контекстах соприсутствия» [4, с. 215]. Напротив, системная интеграция предполагает организацию взаимодействия в контекстах, отмеченных отсутствием непосредственных связей между индивидуальными социальными субъектами, т. е. утверждение опосредующих надличностных отношений между социальными системами или коллективными единицами в качестве главных и определяющих. Социальная интеграция опирается на межличностную интеграцию, регуляризацию отношений между непосредственно взаимодействующими индивидами. При этом типе интеграции, как постоянно подчёркивает Гидденс, идёт постоянный рефлексивный мониторинг действия и рационализация поведения индивидов. Связи опосредования отношений между коллективными общностями не предполагают такого взаимодействия на межличностном уровне, отмечены анонимностью.

Современность, на взгляд Гидденса, приносит с собою перенос рефлексивной регуляции на уровень глобальной системной интеграции. «Экспансия попыток рефлексивной саморегуляции на уровень системной интеграции, – замечает Гидденс, – очевидно является одной из принципиальных черт современного мира» [1, р. 79]. Это принципиальное для его размышлений положение становится затем одной из стержневых линий его размышлений о судьбах рефлексивной модернизации в современном мире. «Подобный феномен, – продолжает британский автор, – является основанием двух наиболее всепроникающих типов социальной мобилизации в Новое время: “легально-рациональной” социальной организации и секулярного социального движения. Но, в свою очередь, чрезвычайно важно признать, что попытки рефлексивной саморегуляции также производят дальнейшую подпитку процессов такого рода через “системную технологию”. Я также уже подчёркивал, что

рефлексивная саморегуляция, понятая просто как технический контроль, – как решительно утверждал и Хабермас, – может стать значимой идеологической силой» [там же, р. 79–80]. Рефлексивная системная интеграция связывается, таким образом, Гидденсом с торжеством рационально-правового начала в западном мире, что указывает на веберянские истоки его видения этого процесса. В качестве второго фактора им называется формирование светских социальных движений. И наконец, вслед за Хабермасом, он говорит о научно-техническом мониторинге процессов социальной интеграции. Здесь же звучит вполне хабермасовская по духу мысль о науке и технологии как идеологическом начале, обеспечивающем социально-интеграционное взаимодействие.

Модернизация общества трактуется Гидденсом как процесс, сопутствующий всей истории Нового времени и современности. Она, по сути, неразрывными узами сопряжена с процессом рефлексивной рационализации всех сторон общественной жизни. «С наступлением модерна, – пишет он, – рефлексивность принимает иной характер. Она включается в самую основу воспроизводства системы, так что мысль и действие приобретают постоянную отсылку друг к другу» [2, р. 38]. Эта идея Гидденса разделяется всеми без исключения приверженцами теории рефлексивной модернизации и имеет очевидный веберянский источник. Британский теоретик интересен в том отношении, что он делает разработанный им вариант социальной теории базисом собственного видения процесса современной рефлексивной модернизации.

Хотя постоянная рационализация общественной жизни и является достоянием модерна в целом, её рефлексивная стадия реализуется, по Гидденсу, лишь на её высокой ступени. В этом с ним солидарны и другие теоретики рефлексивной модернизации, например Бек, который, правда, именуется этот фазис истории «другой модерностью». Разумеется, рефлексивность, разрушающая традицию, присутствует в поле общественных изменений с периода становления модерна, но только сегодня любые рациональные основания жизнедеятельности личности могут ставиться под вопрос во всех сферах человеческой жизни. Знание изначально конституирует процессы социального производства и воспроизводства, начиная с ухода традиционного общества с арены истории. Сами традиции в посттрадиционном обществе постоянно становятся объектом рационального модернизационного изменения. Однако только сегодня социальные субъекты в полной мере осознают, что любые рациональные стратегии должны быть постоянно рефлексивно вопрошаемы. Просвещенческая вера в возможность обрести стабильные основания социальной жизни путём рефлексивных усилий разума оказывается окончательно поколебленной. Наука, которая некогда считалась способной указать на стабильные, проверяемые основания человеческой деятельности, ныне утратила кредит доверия, ибо конвенциональность производимого ею знания широко признана. Сказанное не означает, что

от неё следует отказаться, но научная рациональность должна, по Гидденсу, также быть постоянно вопрошаемой, подвергаемой рефлексивному сомнению с точки зрения достоверности её доводов и оснований.

Теория рефлексивной модернизации возникает как ответ на вызов современности, предлагая осмысление процессов, идущих в глобальном сообществе. Она призвана осветить черты преемственности и разрыва между классическим этапом модерности и её современным фазисом, отмеченным трансформацией структурно-институциональных основ индустриального общества, культурной мозаикой и непредсказуемыми рисками, возникающими вследствие глобальных взаимосвязей, связывающих локальности и делающих единым целым как никогда ранее историю различных стран и народов планеты. Теория рефлексивной модернизации предлагает мыслительную модель развёртывания социальных процессов того общества, которое зародилось в эпоху слома основ традиционного типа социальной организации и сделало своей основой формальную рациональность – всемерное извлечение пользы из ресурсов природы и истории. Крушение традиционализма приносит с собою осознание роли рефлексии в поиске рациональных основ социальной жизни, которые и должны быть стартовой площадкой её непрерывного обновления – модернизации. Однако в отличие от просвещенческого видения этого процесса, современность требует отказа от фундаменталистского поиска незыблемых рациональных основ общественного развития. Напротив, постоянно изменяющаяся реальность вызывает к поиску многообразных рациональных стратегий модернизации, указывая на значимость их гуманистической и социоцентристской ориентации. В свете такого подхода обнаруживается недостаточность чисто инструментальной рациональности, которая и должна ограничиваться непрерывным рефлексивным мониторингом субъекта. В отличие от ранее сформировавшихся теорий модернизации, ее рефлексивный вариант говорит о значимости самосознания субъекта в деле трансформации структурно-институциональных основ общественной жизни. Различные современные версии рефлексивной теории модернизации, при всем их различии, устремлены на поиск рациональных стратегий изменения облика современного мира в перспективе, необходимой для устройства более гармоничного бытия человека.

Список литературы

1. 1. Giddens A. Central Problems in Social Theory. Лцтвцт, 1979.
2. 2. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995.
3. 3. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Stanford, 1994.
4. 4. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.

**SOCIAL-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF A. GIDDENS'
REFLEXIVE MODERNIZATION THEORY**

O.A. Teslenko

Tver State University, Tver

The article examines social-philosophical foundations of A. Giddens' reflexive modernization theory. It reveals that his reflexive social theory uncovers the main properties of the social life production and reproduction thus serving as a key to the understanding of modernization process.

Keywords: *structure, social practices, institutions, power, reflexive modernization.*

Об авторе:

ТЕСЛЕНКО Олеся Анатольевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: teslenko-olesya@mail.ru

TESLENKO Olesya Anatolievna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: teslenko-olesya@mail.ru